писповедимы пути поэта. Тем более такого, как Имант Зиедонис.

То он вдруг покидает музу и становится публицистом-прозаиком. Трудно сыскать в Латвии человека, который не читал его «Курземите».

То берется за создание азбуки. Или пишет сказни.

То организует группу «освобождение деревьев», разъезжает по республике с молодежью, расчищая дубовые рощи, сажая новые...

И вот вдруг новый замысел — Зиедонис начинает обживать совхоз «Мадлиена».

— Каждую весну я испытываю ностальгию по селу. Хочу быть агрономом, председателем колхоза, экономистом. Мечтал об этом в юности, но так уж случилось, что стал поэтом...

Несколько лет назад я отчасти реализовал свою мечту работой над «Курземите». Думаю, выход в свет книги подтолкнул решение некоторых проблем — озобоил людей чуть больше сохранностью земли, природы, памятников старины. Судя по почте, я обрел многих единомышленников.

Вопросы, поднятые в книге, обсуждались на колхозных собраниях, на пресс-конференциях, за «крутыми столами». С удовольствием наблюдал, как началось в республике повальное увлечение конкурсами на лучшую застройку поселков. Хозяйства дружно взялись за ремонт музеев, за охрану памятников. Был спасен от запустения сад селекционера Упитиса. Началось движение в защиту дубовых рощ...

Этой весной меня снова потянуло в село. Я из рыбацкой семьи, но сельский труд мне знаком с детства. Приходилось и пахать, и косить. Может, оттого меня влечет село?

Мы любим говорить, что в долгу у сельских тружеников. А почему, собственно? Хлебоборб растит хлеб, поэт пишет стихи. Вот вроде бы и квиты. И все-таки долг существует. Долг этот перед людьми села — не слишком ли редко они становятся героями наших книг? Имею в

Имант ЗИЕДОНИС:

«МЕНЯ ВЛЕЧЕТ СЕЛО»

виду прежде всего не художественные, а документальные. Давно пора оставить о них документ, живое свидетельство, хронику. Мне захотелось это сделать.

После «Курземите» многие советовали писать продолжение. Казалось бы, форма найдена — можно продолжать. Написать и о Латгалии, и о Видземе. Тогда наверняка будет представлена вся Латвия. Но я не могу на это решиться. Во-первых, о Латгалии лучше напишут латгалцы, такие, как Андрис Вейя, Езуп Лагановскис. А во-вторых, мне кажется, такую книгу, как «Курземите», можно было написать только одну. Дело сделано — пора искать другой подход, иную форму, иной взгляд.

Я задумал серию книг о лучших председателях колхозов и директорах совхозов Латвии. Лучших не только по отношению к плану, но и по отношению к людям. Хороших хозяйственников немало. Но меня влекут люди, сочетающие в себе хозяина и политтика, понимающие, что такое социалистическая деревня. На примете у меня пока десять человек, десять хозяйств.

Почему именно руководители привлекли меня? Потому что, как мне кажется, председатель колхоза, директор совхоза — это то самое главное, связующее звено между государственной политикой и благополучием человека, между демократией и централизмом, между земной практикой и высокой теорией.

Нет, конечно, не только о руководителях думаю я написать. В книге будут самые разные люди. И пенсионеры в том числе. Старики всегда

мне были интересны, очень люблю с ними говорить. У старых людей переполнено сердце и есть время поразмыслить о главном; навьюно думать, что, когда они умрут, мы снесем хутора, выровняем землю и будет широкая, щедрая нива. Старики унесут с собой бесценную информацию — свои трудовые заповеди отношения к земле, к работе. Писатель должен сохранить их для потомков.

Совхоз «Мадлиена» давно у меня на примете. Мадлиена для Латвии — нечто вроде Пиебалги. Только Пиебалга более известна — она взрастила плеяду художников (писателей, музыкантов, живописцев), которые сумели громко прославить свою родину. Мадлиена же дала Латвии людей более молчаливых, но не менее ценных — выдающихся экономистов и земледельцев. Там испокон века умеют работать.

В Мадлиене организация труда такая, какой мне еще не приходилось видеть. Люди хорошо живут. Почему? Много строят. А как это им удается? Осмысливать весь политэкономический материал я предполагаю вместе с мадлиенцами. Беру их как бы в соавторы.

Иной раз, когда делюсь своими планами, слышу от коллег, что, мол, отвлекаюсь, распыляюсь, краду время у поэзии. Я так не считаю. Не знаю, как у кого, а мне, прежде чем родится стих, нужно потрогать жизнь руками...

Поможет ли чем-то моя новая книжка о «Мадлиене» самим мадлиенцам, другим сельчанам? Трудно сейчас сказать. Хотелось бы верить, что это будет так.

РИГА

24 ИЮН 1981 ЛИТЕРАТУРНИЙ ТАБЛЕТКА
Г. МОСКВА